

ТАСЯ

Дарья Олесова

16+

Дарья Олесова

Тася

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66073674

SelfPub; 2021

Аннотация

Говорят, лучшая подруга – это сестра. Попав в крупные неприятности, Тася решает обратиться за помощью именно к Ларе, своей старшей сестре. Но все ли её советы принесут благо?

Дарья Олесова

Тася

Грохот в соседней комнате сработал лучше любого будильника. Тася взглянула на часы – четверть седьмого – слишком рано, чтобы встать, но заснуть снова все равно уже не удастся. Она вновь закрыла глаза и прислушалась к шуму, пытаясь догадаться, что делала Лара.

Вот сестра хлопнула дверью своей комнаты и прошла на кухню – старые половицы поскрипывали под тяжестью ее шагов. Зазвенела посуда, загудел кран, послышались нервные щелчки зажигалкой. Лара поставила чайник на плиту, и на какое-то время все стихло.

Одновременно Тася пыталась вспомнить свой сон, размышляя, насколько удивительная вещь – сновидения. Еще пару минут назад она словно «жила» в ином мире, таком реальном, практически осязаемом, но стоило открыть глаза, как он моментально стерся из памяти, растворился, словно ей ничего и не снилось.

Жабы: маленькие и большие, жирные и бородавчатые. Во сне весь город был наводнен этими противными созданиями. Но как она ни старалась, так и не смогла вспомнить, откуда они взялись.

Наконец, она встала и, накинув ситцевый халат, вышла из комнаты. Перед глазами все плыло, голова шла кругом, и Та-

ся вздохнула, подумав, что день будет не из легких.

Лара сидела на кухне. Она уже переделалась в один из своих лучших костюмов и успела сделать идеальную укладку.

Пахло зеленым чаем. Тася ненавидела его вкус и особенно запах, но сестра не признавала других напитков еще со времен девяностых, когда кто-то сказал ей, что именно зеленый чай помогает похудеть. Хотя за все эти годы Ларе так и не удалось скинуть ни килограмма.

– Чего не спишь? – спросила Тася.

– Дел много, – ответила Лара отрешенным голосом. – Ничего не успеваю, а должна, иначе место финансиста отдадут кому-то другому.

Тася покачала головой: опять знакомая песня.

– А оно тебе надо? – спросила она, присев на стул напротив сестры. – Работай как работается, меньше проблем будет.

Лара злобно посмотрела на нее.

– Молчи лучше, если ничего не понимаешь!

От обиды к горлу подступил комок, Тася вышла из кухни и закрылась в ванной. Да, она ничего не понимала, она не заканчивала институтов, как Лара, и умела лишь варить каши да чистить картошку. Но разве в том ее вина?

Умывшись ледяной водой, она почувствовала себя лучше. Нельзя поддаваться на провокации старшей сестры, любившей поскандалить по любому поводу. Ради самой себя, ведь, любые, даже самые маленькие споры, выматывали ей нервы.

Когда она вернулась на кухню, к счастью, Лары там уже

не было: наверно, опять закрылась у себя в комнате. Как и в детстве, сестра запрещала заходить на «свою территорию». Смешно и глупо, ведь им уже по сорок лет, но Тася никогда не спорила и с этим.

Из-за раннего подъема аппетита совсем не было. И все же, Тася сварила немного овсянки и заставила себя проглотить склизкую кашу. Но в памяти тут же всплыли жабы из сна, и, поморщившись, она отодвинула недоеденный завтрак. В кухне все еще пахло зеленым чаем, и Тася вернулась в свою комнату, куда не доносился ненавистный аромат.

Лара ушла незаметно, и только в половине восьмого Тася поняла, что в квартире стало слишком тихо – лишь старые, уродливые часы отбивали неспешный такт. Их громкое тиканье всегда раздражало обеих сестер, но они не решались выбросить бабушкину вещь.

Тасе и самой следовало поторопиться, хотя сборы на работу никогда не отнимали много времени. Она вытащила первую попавшуюся блузку из шкафа, натянула свою единственную юбку и собрала волосы в небрежный пучок. Вспомнив идеальный вид Лары, Тася замерла перед зеркалом, с грустью разглядывая свое отражение. И она, и Лара унаследовали полноту от матери, но в остальном не были похожи друг на друга: ни по внешности, ни по характеру. Лишь одна вещь объединяла их: обе так и не вышли замуж. Она знала, что за глаза соседи называли их «старыми девами из

шестьдесят шестой квартиры».

Лара всегда была симпатичнее, и по сравнению со старшей сестрой Тася выглядела белой вороной. Ее волосы, никогда не отличавшиеся густотой и пышностью, давно поседели, но она даже не думала окрасить их, считая, что краска для волос вредна: ведь из-за нее можно полысеть, а то и вовсе впасть в кому — на читала о таких случаях в журналах. Косметикой она не пользовалась, одевалась просто и дешево. Как любила говорить Лара — всегда опрятная, модная, следившая за собой — «по-колхозному». Но у Таси не было ни денег, ни вкуса, чтобы подобрать другую одежду. Да и где ей красоваться? Уж точно не в столовой, где она проводила почти все время.

В десятый раз, не доверяя самой себе, она проверила сумку: ключи, кошелек, старенький мобильный — все на месте, и вышла из дома.

Несмотря на то, что уже наступил сентябрь, лето не торопилось уступать свои позиции. Погода стояла приятная: больше не было удушающей жары, но температура не опускалась ниже двадцати пяти градусов. И все же в воздухе уже пахло осенью. Ночью прошел дождь, сбив с деревьев первую волну пожелтевших листьев, и голубое небо отражалось в веренице луж, в которых плавали золотые «кораблики».

Забытый сон некстати всплыл в памяти: жабы. В нем эти мелкие твари сидели в лужах, подставляя свои спинки солнцу. Тася поежилась, хотя в реальности, если что и плавало в

маленьких озерцах на асфальте, так это окурки или фантики от жвачки.

Столовая находилась в двадцати минутах ходьбы от дома, рядом с автобазой, и Тася всегда доходила до нее пешком, радуясь, что не нужно толкаться в переполненных автобусах. Около местного супермаркета ошивался бездомный, выискивая в мусорном баке что-нибудь полезное для себя. Но заметив Тасю, он важной походкой сразу направился ей навстречу. Она порылась в сумочке в поисках мелочи, и когда мужчина в грязных, вонючих лохмотьях поравнялся с ней, высыпала на его грубую ладонь четыре монетки: сорок рублей – не так уж и много, но вполне достаточно, чтобы купить что-нибудь поесть.

– Простите, больше нет, – виновато улыбнулась она, стараясь не дышать: от мужчины несло перегаром, застаревшим потом и мусоркой.

Бомж посмотрел на скудный «улов», недовольно цокнул и, сплюнув, удалился. А Тася, жадно вдохнув свежего воздуха, пошла дальше, даже не подумав оскорбиться или расстроиться. Она всегда жалела тех, кто остался без крова над головой, возможно, потому что в свое время ей самой угрожала эта опасность. И сколько бы попрошаек не встречалось на пути, всем подавала милостыню: порой не только мелочь, но и крупные купюры. У бездомных же, казалось, со временем развился нюх, и они всегда поджидали ее в нужном месте и в нужное время. И хотя Тася понимала, что нельзя раз-

давать деньги направо и налево, ничего не могла с собой поделать. Не смущали ее ни грубость, ни неблагодарность попрошаек. «Им ведь так не повезло в жизни, – оправдывала она бродяг. – С чего бы таким людям быть вежливыми и воспитанными? К ним надо относиться с пониманием».

Она шла вдоль покосившегося забора автобазы. Будучи когда-то белоснежным, он давно посерел и украсился грязными разводами от дождей да непонятными загогулинами, которые по ночам рисовали подростки. Повсюду тарахтели поливальные машины, готовые разбежаться по городским улицам, да сновали работники, усаживаясь в вахтовые автобусы. Тася знала почти всех рабочих в лицо, многих – по именам. Все они обедали в ее столовой. Кто-то вежливо здоровался, но большая часть просто пробежала мимо. Но она не обижалась: она привыкла быть незаметной, безликой поварихой, на которую можно не обращать внимания.

На кухне никого не было. Ее напарница Ирка – молоденькая девушка, закончившая лицей прошлой весной, – как всегда опаздывала, а иногда и не приходила вовсе. Но Тася никогда не ругалась на нее. Зачем? «Молодая девка, пусть нагуляется, — думала она. – Еще успеет у кастрюль настояться». А с готовкой Тася могла справиться и одна.

Она повязала застиранный фартук, накинула на голову косынку и принялась подготавливать все для работы, прикидывая в голове, за что взяться в первую очередь. Но от размышлений ее отвлек незнакомый голос:

– Добрый день.

Оглянувшись, она увидела стоявшую в дверном проеме незнакомую женщину.

– Здравствуйте, – проямлила Тася. – Вы к кому?

– Если вы повар в этой забегаловке, то к вам, – ответила незнакомка, поморщив нос. – Вы тут одна работаете?

Тася смотрела на неожиданную гостью, словно на диковинного зверька. Эта женщина явилась словно из другого мира, и даже Лара по сравнению с ней выглядела простушкой: платье кораллового цвета, кожаная сумочка, туфли на высоком каблуке, стильная укладка, идеальный макияж. Тася не разбиралась в моде, но на подсознательном уровне чувствовала, что все это стоило кучу денег.

– Ну так что, вы мне ответите или нет? – недовольство женщины возрастало с каждой минутой. – Вы тут одна, или как?

– Не одна! – раздался звонкий голосок Ирки. На ходу повязывая фартук, она протиснулась между косяком и незнакомкой и встала рядом с Тасей. – А вы кто?

– Ваша начальница, вообще-то, – процедила женщина, сердито вздернув идеальную бровь. – И хотела бы я знать, почему вы опаздываете?

– Я на складе была. Продукты проверяла, – без запинки соврала Ирка, и Тася поразились тому, как легко она выкрутилась. У нее самой никогда не получалось складно врать.

– Без разницы, – холодно сказала женщина. – Нет у меня

времени выяснять, чем вы тут занимаетесь. К тому же, вас скоро здесь уже и не будет.

В глазах побелело: не иначе как резко подскочило давление, и Тася схватилась за столешницу, стараясь удержаться на подкосившихся ногах:

– Как? Почему?

– Постойте-ка, – возмутилась Ирка. – С чего бы это? И, вообще, чего это вы тут хозяйничаете? Столовая принадлежит Константину Викторовичу. А вы-то кто?

– Жена его! – торжественно произнесла женщина. – И обращайтесь ко мне по имени – Мария Владимировна. Я давно планировала открыть кафе, и мы посоветовались с мужем, с Константином Викторовичем, и решили, что эта столовая идеально подойдет для моего проекта. Правда, все придется переделать, – она с презрением осмотрелась вокруг. – Новый стиль, новые блюда... новые работники...

– Вы не можете нас просто так взять и уволить! – разозлилась Ирка.

– Вообще-то, могу. Но Костя попросил дать вам шанс и сохранить места по возможности. Правда, – она окинула их оценивающим взглядом, – не знаю, будет ли такая возможность.

– А как же рабочие с базы? – спросила Тася. – Они ведь здесь обедают.

– Будут обедать где-нибудь в другом месте. В моем ресторане нет места грязным, потным мужикам.

– Но нет ведь, нет других мест во всей округе.

– Значит, будут носить еду с собой, – пожала плечами Мария Владимировна. – Мне-то какая разница? Так, некогда мне с вами возиться. Завтра я заеду и дам задания: справитесь – оставлю работать, а если нет, то, увы, ничем помочь не смогу.

С этими словами новая хозяйка, цокая каблучками, ушла, оставив ошеломленных Тасю и Иру переваривать услышанное.

Дома же Тасю встретила взвинченная Лара.

– Ты представляешь!?! – воскликнула она, едва Тася переступила порог. – Они взяли какого-то мужика с улицы! А ведь у них была я! Я!

– Жаль, – только и смогла ответить Тася, вымотанной физически и эмоционально, ей совсем не хотелось поддерживать разговор.

Лара недоуменно уставилась на нее.

– И это все? Тебе жаль? Просто жаль? Больше ничего не хочешь добавить?

– А что тут поделать? – пожала плечами Тася. Она прилегла на диван и вытянула уставшие ноги. – Меня вот тоже могут уволить.

– Ну конечно! Только о себе и думаешь! – внезапно взорвалась сестра. – Подумаешь, из столовки попрут. Таких забегаловок пруд пруди, какая разница в какой дыре пшенку

варить? Кастрюли везде одинаковые. Эгоистка! Хотя бы раз обо мне подумала.

Выплеснув злость, Лара ушла в свою комнату, хлопнув дверью так сильно, что в серванте зазвенела посуда.

Тася любила сестру, хотя порой та была слишком резкой и несправедливой. Конечно же, она думала о Ларе, но и за свое будущее волновалась не меньше. Найти новую работу не так-то легко, особенно, когда тебе за сорок, а местный лицей каждый год выпускает десятки новых поварих – молодых, здоровых, энергичных. Лара же – бухгалтер, причем неплохой: бухгалтеры ценятся больше, чем повара.

Как и всегда бывало после ссор с сестрой, Тася вновь и вновь прокручивала в голове свою несчастливую жизнь. Отец бросил семью, когда они были совсем маленькими, и матери пришлось воспитывать дочерей в одиночку. Когда же ее не стало, забота о девочках легла на бабушку. Лара успела выучиться в институте, Тасе же не повезло – она заканчивала восьмой класс, когда бабушке поставили страшный диагноз. Раковая опухоль сожрала старушку изнутри всего за полгода, и девочки остались совсем одни. Денег катастрофически не хватало, и вместо учебы в университете Тасе пришлось наспех закончить ПТУ и пойти работать. Кто знает, чего она смогла бы добиться, сложись жизнь иначе? Каких высот могла бы достичь?

Часы пробили девять. Тася наспех приняла душ и отправилась в кровать. Она не хотела, чтобы наступало утро, но

это желание не могло быть исполнено, впрочем, как и все остальные ее мечты.

Сентябрь продолжал баловать солнечными днями, но, несмотря на отличную погоду, на душе у Таши было тоскливо. С самого утра ее мутило, от волнения мерзли руки, и приходилось то и дело растирать заочиненные пальцы.

Весь день прошел в томительном ожидании: новая хозяйка не посчитала нужным сказать, в котором часу собиралась подъехать, и Тася вздрагивала каждый раз, когда кто-то входил в столовую. Ирка же, казалось, совсем не переживала. То ли была полностью уверена в своих силах, то ли просто хорошо скрывала эмоции.

Не успела Тася оглянуться, как стрелки часов показывали пять минут третьего, а вот вторая половина дня, наоборот, тянулась медленно – неспешно, тягуче, до противного неторопливо. Рабочий день закончился, а Мария Викторовна так и не появилась.

– И что теперь? – злилась Ирка. – Что она о себе возомнила? Думает, мы ее тут будем до ночи дожидаться?

– Но она же сказала, что придет, – ответила Тася. – Значит, надо ждать.

Ей и самой хотелось уйти домой, но она боялась послушаться, совсем как в школе: Тася никогда не сбегала с уроков, опасаясь гнева классного руководителя.

Они промаялись еще час, от безделья вычищая старые

сковороды и натирая до блеска погнувшиеся от времени вилки. В конце концов, Ирка, не выдержав, скинула фартук и, высказав все, что думала об этой «гримзе», ушла.

– Пусть увольняет, если хочет, – напоследок заявила она. – С такой работать все равно невозможно.

Тася проводила взглядом теперь уже бывшую напарницу и присела на стул, тупо уставившись в пустоту. Ирка могла позволить себе подобную выходку: молодым легко найти новую работу, но кому нужна она в свои сорок три? Противно засосало под ложечкой, к горлу подкатил ком, и по щекам покатались слезинки.

– А где та, вторая? – раздался голос Марии Владимировны. Вот так сразу: ни «здравствуйте», ни «простите за опоздание».

– Ушла, – ответила Тася, поспешно вытирая слезы.

– То есть как? – возмутилась новоиспеченная начальница.

Всем своим видом она старалась показать, что для нее они с Иркой лишь ненужный довесок к желанной столовой. – Что ж, передай, чтобы не возвращалась.

– А она и не собиралась, – тихо сказала Тася и тут же осеклась. Но хозяйка либо не расслышала ее слов, либо пропустила грубую ремарку мимо ушей. Брезгливо осмотревшись, она выбрала себе стул, и, усевшись на него, осмотрела Тасю с ног до головы – так обычно осматривают кобылу перед покупкой.

– Не хочешь последовать примеру подруги? – с издевкой

спросила она.

– Хотите, чтобы я уволилась?

– Без обид, но в моем кафе все должно быть самым лучшим.

Тася нервно сглотнула от обиды.

– Я все-таки хочу попробовать.

– Если бы не Костя, я даже не стала бы тратить время на всю эту возню, – вздохнула Мария Владимировна. – Ну да ладно. Что умеешь готовить?

– Все, – ответила Тася, приободрившись: уж что-что, а готовить вкусно у нее получалось. – Любые супы, каши, пюре, варить компот, кисель...

– Подожди, подожди, – скривив лицо, перебила ее начальница. – Я не об этом. Кому все это случилось? Ты умеешь готовить суши, ролы, смузи? Знаешь, что такое брускетта? Тальятелле? Якисоба?

Тася молчала. Щеки запылали от стыда, словно у школьницы, не выучившей урок. Краем уха она слышала о суши, но никогда не пробовала их, а о существовании остальных блюд даже не подозревала.

– И как же ты собираешься работать, если совсем не умеешь готовить?!

– Но я умею! – попыталась оправдаться Тася. – Я работаю поваром уже много лет, и посетители всегда были довольны. А когда работала в школе, детки всегда прибегали за добавкой.

– Ты хоть раз была в ресторане? В том, в котором подают нормальную еду, а не беляши да каши? Ну, что молчишь?

Слезы унижения подступили к глазам. Не желая показывать их, Тася подошла к ящику со столовыми приборами, взяла тряпку и начала протирать ложки. В этом вовсе не было нужды – все уже давно перемыли – но ей надо было чем-то занять руки.

– Зря вы так, – шептала она, полируя очередную ложку. – Зря, Мария Владимировна.

– Даже не знаю, что с тобой делать, – продолжала издеваться начальница. —К тому же, твой внешний вид. Ты хотя бы раз навещала салон красоты?

Терпение подходило к концу. Тася давно привыкла к тому, что ее не замечали, что она никого не интересовала ни как человек, ни как женщина, но еще никто не оскорблял ее вот так, прямо в лицо.

– Давай, ты просто напишешь по собственному желанию, а? Я обещала мужу, что не выгоню тебя на улицу, но ведь мало того, что ты не умеешь готовить, так еще и выглядишь как пугало. Ты же мне всех клиентов распугаешь. Да повернись же ты, когда я с тобой разговариваю!

Тася резко обернулась, желая высказать все, что накопилось на душе, но слова застряли в горле. Она встретила взглядом с Марией Владимировной, оказавшейся совсем близко. И когда только она успела подойти? Выпучив глаза, женщина раскрывала рот, но из него не вылетало ни

звука – совсем как у еще живой рыбы на разделочной доске.

В нос ударил металлический запах. Одновременно они посмотрели вниз: на бледно-розовом платье выступило алое пятно. Оно все росло и росло, словно распускавшийся бутон мака. Тася выронила окровавленный нож и зажала рот руками, сдерживая крик. Ну почему? Почему именно в этот момент она держала в руке нож, а не безобидную ложку?

– Что... Ты что натворила, тупая курица? – выдохнула Мария, схватившись за живот. Сквозь пальцы текла тонкая струйка крови.

Тася попятилась назад, пока не уперлась поясницей в край столешницы.

– Я не хотела... Не хотела, —повторяла она, как заезженная пластинка.

Кровь схлынула с лица Марии, она упала на колени и прохрипела:

– Скорую.

Тася бросилась к сумке и начала рыться в ней в поисках телефона: как назло, он был погребен где-то на дне в куче хлама.

– Сейчас, сейчас, —причитала она. – Да где же он? Потерпите чуть-чуть, совсем капельку...

Наконец, нащупав мобильник, она выдохнула с облегчением, но вместо того, чтобы набрать «112», позвонила сестре.

– Лара! Лара! —закричала она, услышав ее заспанный го-

лос. — Лара, что мне делать? Помоги! Ты должна мне помочь!

– Да в чем дело-то?

– Я, кажется, человека убила, – разревелась Тася.

– Ты что вообще несешь?

– Так получилось, я не специально. Она без сознания.

Она, кажется, совсем умерла.

– Проверь пульс.

– Что?

– Пульс, говорю, проверь! — закричала Лара. – Сопли подбери и пораскинь мозгами!

Растирая слезы по лицу и громко всхлипывая, Тася опустилась на колени и подползла к Марии. Та сидела на полу с закрытыми глазами, прислонившись спиной к шкафчику с кухонной утварью. Трясущейся рукой дотянулась до бледной шеи женщины и тут же отдернула пальцы от ледяной, словно у мертвеца, кожи, так и не успев нащупать пульс.

– Ну что там? – нетерпеливо спрашивала Лара на другом конце трубки. – Что ты так долго копаешься?

Но Тася не могла заставить себя прикоснуться к Марии еще раз. Вместо этого она наблюдала за ее дыханием: еле заметно, редко, но все же женщина дышала.

– Жива, Лара! Она жива! — нервно засмеялась Тася. – Но что мне теперь делать? Вызывать скорую?

– Еще чего! Даже не смей!

– Почему?

– Проблем не оберешься, еще повесят уголовку. Хочешь до конца дней поварихой в колонии работать?

– Что же тогда делать? Что делать?

– Не реви ты! Привези ее к нам, а дальше решим, как поступить.

– Домой? Но как?

– Это уж твои проблемы, – огрызнулась Лара и бросила трубку.

С минуту Тася тупо смотрела на мобильник, не понимая, как ей привезти домой полумертвую женщину. Затем, взяв себя в руки, поднялась на ноги и заходила по кухне, перебирая все возможные варианты: на автобусе точно не получится; может, вызвать такси и сказать, что везет домой пьяную подругу? Нет, слишком рискованно.

Наконец, ее осенило. Она выбежала из кухни и направилась в подсобку. Небольшая комната была завалена всяким хламом, но Тася точно знала, что нужная ей вещь была там. После долгих поисков с победной улыбкой, больше походившей на оскал сумасшедшего, она вытащила из-под кучи мешков тележку: одну из тех, с которыми тысячи старушек ходят на рынок. Еще немного времени ушло на то, чтобы отыскать большую хозяйственную сумку и пару ремней.

Собрав трофеи, Тася вернулась на кухню. Она попробовала поднять Марию. Весила та немало, хотя по виду и не скажешь. Женщина слабо застонала, и кровь хлынула с новой силой. Тася решила, что сперва надо обработать рану, и

начала открывать все шкафчики подряд, пытаясь вспомнить, где хранилась аптечка.

Когда белый чемоданчик, наконец-то, оказался у нее в руках, она раскрыла его и оценила содержимое. Уроки медицинской помощи Тася помнила плохо, но кое-что видела в сериалах. Простой перевязки явно будет недостаточно: Мария могла истечь кровью, к тому же в рану могла попасть какая-нибудь зараза. Тася подняла с пола нож и ополоснула его горячей водой, затем зажгла конфорку и раскалила лезвие докрасна.

– Простите, Мария Владимировна, – произнесла она, и собственный голос показался ей чужим, – но так надо.

Она уложила несчастную на пол и разорвала ее платье, обнажив изувеченный живот. Борясь со страхом и отвращением, откупорила баночку йода и залила темную жидкость в рану, сразу же приложив к ней раскаленное лезвие. От запаха паленой кожи и мяса подступила тошнота. Мария закричала от боли, и Тася уселась на нее, придавив всем весом. Одной рукой она продолжала прижигать рану, а другой зажимала рот Марии. Женщина билась в агонии: глаза ее закатились, превратившись в два белесых шарика, тело извивалось, словно у одержимой. Она отчаянно пыталась скинуть с себя Тасю, но сил хватило лишь на то, чтобы расцарапать ей руки. В конце концов, она выбилась из сил и потеряла сознание.

В ушах набатом раздавались удары собственного сердца;

тяжело дыша, Тася ослабила хватку и слезла с обмякшего тела. Живот тут же скрутило, и ее вырвало, а к неприятным запахам добавился смрад содержимого собственного желудка.

Собрав всю волю в кулак, Тася наспех перебинтовала рану, вымыла нож и положила его на место. Схватив первое попавшееся полотенце, вытерла с пола кровь и рвоту и выкинула испорченную тряпку в мусорное ведро. Не без труда удалось затолкать бесчувственное тело Марии в сумку и закрепить на тележке, после чего Тася со своей страшной ношей отправилась домой. Она выбрала путь, по которому ходило меньше людей, и старалась не встречаться взглядами со случайными прохожими. Разум отказывался верить, что все это произошло наяву, но увесистая сумка доказывала реальность произошедшего.

Тася поправила выбившуюся прядь волос и с ужасом заметила кровавое пятно на ладони. Как же она могла его пропустить? Она прибавила шаг: еще чуть-чуть и она будет дома, в безопасности. Но, когда Тася свернула во двор своей многоэтажки, ее окликнула соседка с третьего этажа.

– Чего взвинченная такая? — улыбнулась она. Улыбке не доставало почти половины зубов.

– Да так... День тяжелый.

– Понимаю, понимаю, – закивала женщина. — У меня вот тоже с утра не задался: хотела продуктов по акции закупить, а пока дошла до магазина, они уже всё: тью-тью. Закончились.

Тася подумала, что с удовольствием поменялась бы с ней

проблемами, но промолчала.

– А что это у тебя там? – не унималась женщина, указав костлявым пальцем на сумку.

– Продукты, – медленно проговорила Тася: голова отказывалась соображать. – По акции.

– Да ну?! – хлопнула в ладоши соседка. – А покажи, что купила? Когда ж ты успела-то? Ох, сумка тяжелая. Видать, много набрала. И мяска, наверно, недельки на две прикупила. Покажи, а?

Тасе показалось, что сейчас ее снова стошнит. Интересно, что будет, если показать назойливой соседке какое именно «мясо» в сумке?

– Я тороплюсь, – вместо этого выдавила она. – Завтра на работу рано.

– Тц... Какие все занятые, – недовольно сказала соседка. – Только о работе и думают. А с руками-то что?

– С руками?

– В чем руки-то измазала?

– Это... Я... чернику перебирала. Для пирожков.

– А-а-а-а, понятно, – протянула соседка.

Тася благодарила судьбу за то, что действительно в сумках пятна крови можно было выдать за что угодно.

– Пойду я, – сказала она, заходя в подъезд.

– Давай-давай. А я пока еще погуляю. Последние деньки остались.

– Последние? – напряглась Тася.

– Теплые. Осень же! Скоро польют дожди, и засяду дома до следующей весны.

– А вы про это ...

– А про что ж еще? Ну, пока-пока.

Из последних сил Тася затащила тележку на шестой этаж и позвонила в дверь, но Лара не открывала. Злясь на сестру, она достала ключи и открыла дверь сама.

– Почему не открыла?

– Не услышала звонок, – ответила Лара, подскочив ней. – Она там?

Тася кивнула. Лара открыла сумку, и Мария, словно бездушный манекен, вывалилась на пол.

– Тебя кто-нибудь видел?

– Нет, – соврала Тася. Она слишком устала, а Лара обязательно потребовала бы пересказать весь разговор с соседкой, до последней реплики.

Вместе они перетаскивали Марию на диван в гостиной, который Лара предусмотрительно застелила клеенками, оставшимися еще со времен, когда бабушку парализовало.

– И что нам теперь делать? – спросила Тася.

– Не дать этой стерве помереть.

Прогноз погоды обещал резкое похолодание и дождь, но пока на небе не было ни облачка. Зато в душе у Таси бушевала настоящая буря. По настоятельному совету Лары она отправилась на работу раньше обычного, чтобы осмотреть

кухню до того, как туда придет кто-то еще. Сестра же осталась дома присматривать за Марией.

Сонные прохожие спешили по своим делам, но Тасе казалось, что каким-то образом они все знают о том, что произошло вчера, и потому она шла, опустив голову, опасаясь наткнуться на осуждающие взгляды.

– Я знаю! Всё знаю! – раздался за спиной женский голос.

Ноги налились свинцом, Тася резко остановилась, и кто-то врезался в нее сзади. Молодая девушка, поправляя шарф, наградила ее злобным взглядом.

– Осторожнее, – прошипела она и тут же продолжила разговор по телефону. – Это не тебе. Да знаю я, что не должна была ему звонить, но ты же понимаешь...

Слова растворились в воздухе, и Тася не расслышала фразу до конца. Она смотрела вслед быстро удалявшейся незнакомке и прислушивалась к гулко бившемуся сердцу.

Они знают. Все знают.

Сдвинуться с места удалось, лишь когда силуэт девушки превратился в едва различимую точку. По спине градом лил пот. Тасе хотелось вернуться домой, принять душ, переодеться в уютный домашний халат и никогда больше не выходить из квартиры. Но поступить так она не могла. Нужно было как можно скорее прибраться на кухне и избавиться от улик. Да и дома уже не было комфортно, ведь там находилась Мария.

Хорошо еще Лара согласилась помочь. Неправильно ра-

доваться таким вещам, но сестра как нельзя кстати решила уволиться. И хотя, денег снова не будет хватать, вдвоем они как-нибудь справятся, как и всегда.

Как и обычно по утрам, в столовой было тихо, но в этот раз тишина казалась зловещей. Тася щелкнула выключателем и тут же отдернула руку: пожелтевший от бесконечных прикосновений прямоугольник был заляпан кровью. Судя по кисловатому запаху, мусор еще не выносили. Впервые Тася обрадовалась тому, что уборщицы работали спустя рукава. Она открыла окна и вдохнула свежий воздух, ворвавшийся в комнату, после чего начала вычищать следы вчерашнего происшествия – «несчастливого случая», как она решила называть его.

Руки дрожали каждый раз, когда она находила очередное красное пятнышко на полу или дверцах шкафчиков. Перед глазами сразу же представал образ Марии: она протягивала к Тасе окровавленные руки и пыталась что-то сказать, но из горла вырывались лишь хрипы и стоны. В такие моменты Тася зажмуривалась и выжидала пару минут, пока видения не исчезали.

Ей удалось закончить раньше, чем явилась Галина, одна из уборщиц. Судя по опухшему лицу и нетвердой походке, прошлым вечером она вновь выпивала со своим очередным сожителем.

– Фу, чем это у тебя так воняет? – спросила уборщица, демонстративно зажав нос.

– Капуста протухла, – ответила Тася, отметив про себя, что вранье начало даваться ей легче.

– Вот потому я и не ем в общепите, – скривилась уборщица, сгребая в охапку мусорные пакеты. – Готовите из не пойми чего. Так и отравиться недолго.

Захотелось съязвить, что Галине скорее грозит отравление паленой водкой, чем несвежим пирожком, но Тася промолчала. Она с волнением наблюдала, как уборщица выносила улики. Пакет с окровавленными тряпками смешался с кучей других мешков для мусора. Никто не станет в них рыться, никто не найдет следов «несчастливого случая».

Проводив Галину и закрыв за ней дверь, Тася с облегчением вздохнула. Но работа все равно не клеилась: каша пригорела, компот получился кислым, а тесто никак не хотело подниматься. К тому же Ирка так и не появилась. В обычный день Тася могла бы справиться со всем одна, но сейчас ее мысли были заняты вовсе не готовкой, и лишние руки на кухне не помешали бы.

И все же, она была уверена, что все будет хорошо. Пока в двенадцатом часу в столовую не зашли двое полицейских. Увидев их, Тася выронила наполненный компотом стакан, заляпав подол юбки алыми брызгами. Осколки стекла со звоном разлетелись по всему полу, и десятки глаз посетителей тут же уставились на нее со всех сторон.

– У вас все в порядке? – спросил один из полицейских.

– Да, – едва слышно ответила Тася.

Она начала прибирать устроенный беспорядок, стараясь не встречаться взглядом с непрошеными гостями.

– Хотите пообедать? – спросила она, с трудом изображая безразличие.

– Обед – дело хорошее, – усмехнулся полицейский, – но мы тут по другому вопросу. Вас как зовут?

– Меня? – Тася подняла взгляд: молодой парнишка, на вид не старше двадцати пяти, смотрел на нее с живым интересом. Его напарник, напротив, скучающе озирался по сторонам. – А почему вы спрашиваете?

– Ответьте, пожалуйста, на вопрос, – строго сказал второй полицейский.

– Антонина. Азарова.

– Дело в том, Антонина, – тон «хорошего» полицейского стал серьезным, улыбка в мгновение исчезла с лица, – что вчера пропала Мария Владимировна Колова. Ее муж, владелец этой столовой, сообщил, что она собиралась заехать сюда. Вы видели Марию Колову вчера?

– Нет, не видела. Она не приезжала, – ни секунды не раздумывая, ответила Тася.

– Вот как, – нахмурился полицейский и что-то записал в маленьком блокнотике. – И не звонила?

– И не звонила.

– А вы тут одна работаете?

– Теперь уже и не знаю, – пожалала плечами Тася. – Напарница моя, вроде как уволиться решила.

– Почему?

– Да потому что Мария Владимировна ваша хотела нас всех выгнать. Ира и не стала дожидаться, когда ее выбросят, как ненужный хлам, – в сердцах выпалила Тася, тут же прикусив язык.

Полицейский, казалось, о чем-то задумался.

– Ясно. Не хотите еще что-нибудь нам рассказать? – спросил он, постукивая карандашом по блокноту.

– Нет, – помотала головой Тася. – Я больше ничего не знаю.

– Хорошо. Но, если что-то вспомните, позвоните, – полицейский протянул ей визитку. Тася взяла карточку трясущейся рукой и положила в карман фартука.

Полицейские еще раз осмотрелись вокруг, словно ожидая наткнуться на пропавшую женщину в одном из углов, как вдруг зазвонил телефон: мелодия популярной песни, одной из тех, что без конца крутили по радио, заполнила комнату.

– Можете взять трубку, – сказал полицейский. – Мы вас больше не задерживаем.

Взять трубку? О чем это он?

Осознание того, что случилось, пришло не сразу: звонил телефон Марии. Тася нервно сглотнула – сумка! Ее сумка так и осталась лежать на стуле. Полицейские не торопились уходить, словно почувствовав что-то неладное, а назойливая музыка все звенела и звенела. Кажется, звонивший собирался ждать ответа до победного.

– Ах, да, конечно! Телефон, – взяв себя в руки, улыбнулась Тася.

На ватных ногах она подошла к сумочке Марии и достала мобильник. Он был совсем не похож на ее собственный телефон – черный прямоугольник без кнопок.

Как им пользоваться? Куда нажимать?

На дисплее высветилось: «*Котя*». Уж не Константин ли Викторovich звонит в тщетных попытках отыскать жену?

– Все в порядке? – поинтересовался полицейский.

– Да-да, конечно, – закивала Тася. – Сестра недавно подарила новый телефон, да вот никак не привыкну и не разберусь, куда нажимать.

Кажется, мужчина поверил ей.

– Хотите, помогу? – внезапно спросил он и протянул руку к телефону.

Надо было срочно что-то придумать. Нельзя позволить полицейским увидеть телефон Марии, но Тасю словно парализовало, и она не могла произнести ни слова.

– Тут кто-нибудь вообще работает? – раздался недовольный голос.

Она обернулась и увидела, что около окна выдачи собралась целая толпа голодных рабочих.

– Сейчас, сейчас, – крикнула она и, улыбнувшись счастливому совпадению, повернулась к полицейскому. – Спасибо, но мне пора работать. Потом сама разберусь.

Полицейский пожал плечами, и они с напарником ушли.

Тася зачихала телефон поглубже в сумку Марии, надеясь, что он все-таки перестанет трезвонить.

– Чего так долго? – вскипел мужчина. – У меня обед скоро закончится.

– Иду, иду, – поспешила Тася. – Уж и подождать не можете. Вас сколько, а я одна!

– Обед тридцать минут, какой ждатель-то? – не унимался недовольный рабочий.

В другое время Тася обязательно расстроилась бы из-за подобного скандала, но сейчас обрадовалась нахлынувшей толпе, спасшей ее от назойливого полицейского. И она принялась за работу, стараясь отвлечься от тягостных мыслей.

Дома ее поджидал очередной сюрприз: вернувшись с работы, Тася обнаружила Марию, крепко связанной бельевой веревкой, и с кляпом из кухонного полотенца, торчавшим изо рта.

– Что тут произошло?

– Орала слишком много, – сухо ответила Лара. Сестра сидела на кухне и как ни в чем ни бывало пила свой зеленый чай. – Грозилась нас всех пересажать.

Тася прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. Хотелось кричать и выть от усталости, но вслух она лишь тихо произнесла:

– Сегодня приходила полиция.

– Полиция? – оживилась Лара. – И ты с ними говорила?

– Конечно, говорила, – фыркнула Тася. – Будто я могла отказаться.

– Конечно же, могла, дура. Ты хоть корочки-то их видела? Тася задумалась. Действительно, показали ли полицейские документы? Представились ли как положено? Она даже не помнила их имен. Перепугавшись, тогда она почти не соображала.

Лара продолжала ворчать, обвиняя ее в том, что она вела себя неправильно и совершала одну ошибку за другой, и, чтобы не продолжать бессмысленный спор, Тася решила перевести разговор на другую тему.

– Что с раной?

– Не знаю, не смотрела, – ответила Лара. – Но эта курица несколько раз теряла сознание.

Тася вернулась в комнату и присела на край дивана, рядом с Марией – выглядела она в разы хуже, чем утром: на лбу выступила испарина, вокруг глаз залегли тени. Тася осторожно отодвинула повязку и взглянула на рану. Края воспалились, и, хотя рана еще не гноилась, казалось, все шло именно к этому.

– Надо зашить.

Незаметно подкравшаяся Лара до смерти напугала Тасю. Сестра с интересом рассматривала рану, и от недоброго огонька в ее глазах стало не по себе.

– Зачем зашить?

– Иначе загноится. Хуже будет.

Мария замычала и слабо забилась, пытаясь освободиться от веревок.

– Тише, корова ты старая! – рывкнула на нее Лара. – Мы же тебя спасаем, так что успокойся.

Играть в хирурга совсем не хотелось, но, если хорошенько подумать, Лара была права: ранение было очень серьезным, такие сами по себе не заживают. Поколебавшись, Тася принесла набор для шитья. Бывшие до этого момента самыми безобидными вещами, нитки с иголками в одночасье превратились в орудие пыток.

Мария стонала и мотала головой, призывая сестер остановиться. Из глаз ее текли слезы, вся косметика размазалась по лицу. Но была ли согласна Мария или нет, рану нужно было зашить. Так врач назначает болезненные процедуры, не спрашивая согласия пациента.

Собравшись с силами, Тася глубоко вздохнула, взяла одну из иголок и принялась зашивать рану единственным знакомым ей самым простым швом. Если бы не кляп, крики Марии были бы слышны на всех этажах. Тася поблагодарила судьбу за то, что на лестничной клетке рядом с ними жила лишь дряхлая старушка – глухая и почти слепая. Квартира напротив принадлежала мужчине, работавшему на севере, четвертая же квартира и вовсе пустовала: хозяева никак не могли найти квартирантов.

Наконец, дело было сделано, хотя «операция» тяжело далась Марии. Лара принесла смоченное в холодной воде по-

лотенце и положила на лоб изнеможённой женщине.

Лишь далеко за полночь, когда Мария наконец-то заснула, они с сестрой тоже отправились спать. Но уснуть Тасе так и не удалось. Она провела ночь, не сомкнув глаз, прислушиваясь к тяжелому дыханию, доносившемуся из соседней комнаты.

В половине шестого утра Тася решила проведать Марию. Женщина дышала часто и прерывисто; бледное лицо осунулось и напоминало скорее посмертную маску, нежели ухоженное личико, каким оно было в день их знакомства.

В животе забурчало от голода. Подумав о еде, Тася впервые осознала, что сама она ни разу не кормила Марию. Ей стало интересно, что Лара готовила для нее и готовила ли вообще?

Она прошла на кухню и ахнула, заглянув в холодильник: кроме пачки просроченного майонеза, да одного единственного огурца на полках больше ничего не было. В последние дни у нее не было ни времени, ни сил ходить за покупками, но почему же Лара не потрудилась выйти в магазин?

Похрустывая горьковатым на вкус огурцом и мысленно ругая сестру за лень, она сварила остатки геркулеса, по счастливой случайности найденного на верхней полке в шкафу, и вернулась с этим жалким подобием завтрака в комнату.

– Сейчас я выну кляп, пообещайте не кричать, – строго сказала она Марии, разбудив ее.

Женщина слабо кивнула, и Тася, вытащив пропитавшуюся слюной тряпку, брезгливо отложила ее в сторону.

– Отвези меня в больницу, – прохрипела Мария, как только вновь смогла говорить.

– Ешьте, Мария Владимировна. Вам нужно сил набираться, а то не поправитесь, – проигнорировав ее слова, сказала Тася и поднесла ложку с кашей ко рту женщины.

Каша оказалась слишком горячей, и Мария шумно втянула ртом воздух, отчего лицо ее исказилось в отвратительной гримасе.

– Ты же понимаешь, что тебя ждет? Да тебя же за решетку упекут! – продолжила Мария, справившись, наконец-то, с едой. В опухших, воспаленных глазах разгорались огоньки ненависти.

Голос зазвучал громче и сильнее. На мгновение она вернула свой привычный образ женщины, считавшей себя выше и лучше других.

– Что за шум? – услышался недовольный голос Лары. Она стояла в дверях, потирая заспанные глаза.

– Ничего, – бросила в ответ Тася и поспешно запихнула в Марию очередную ложку каши, чтобы заставить ее замолчать, – завтракаем.

– Ты заплатишь, – пробубнила женщина с набитым ртом, так что слов практически нельзя было разобрать. – За все заплатишь!

– Значит, мы тут о тебе заботимся, беспокоимся, на ноги

стараемся поднять, – услышав ее, вспыхнула Лара, – а ты вот так нас за все благодаришь?

– Благодарить? – взвизгнула Мария. Она приподнялась, забыв про рану и веревки, и тут же скривилась от боли. – Я, по-твоему, еще за что-то должна благодарить?

Тася не вмешивалась в их перепалку. По инерции она протянула очередную ложку каши, но Мария, вместо того чтобы проглотить, плюнула едой ей в лицо. От неожиданности Тася вскочила и принялась отряхиваться от кусочков каши. Тарелка же, покоившаяся на ее коленях, полетела вниз, и ее содержимое сероватым месивом растеклось по ковру.

– Посмотри, что ты наделала! – закричала Лара, побагровев от злости.

Она оттолкнула Тасю, схватила ложку и, подобрав уже смешавшуюся с волосами и пылью с ковра кашу, начала скармливать ее Марии, стараясь пропихнуть еду как можно дальше в горло. Мария закашлялась, и казалось, еще чуть-чуть и она задохнется. Она извивалась, запрокидывала голову назад и сжимала губы, но Тася знала, что Лара все равно не остановится, пока не будет доедено все до последнего кусочка.

Поморщившись, она отвела взгляд, а затем и вовсе ушла в ванную, чтобы смыть с себя грязь да не видеть тошнотворную трапезу.

Серое небо – под стать настроению, унылому и тоскливо-

му – хмурилось; на горизонте сгущались тучи. В конце концов, осень победила, и тепло покинуло город. Но Тасю погода мало волновала. После «несчастливого случая» она будто оказалась отрезанной от реальности, запертой в параллельном мире, где царили лишь страх и отчаяние. Плохая погода казалась чем-то мелким, не заслуживающим внимания.

В столовой она чувствовала себя лучше. Несмотря на то, что именно здесь произошло чудовищное недоразумение, перевернувшее всю ее жизнь с ног на голову, это место все еще казалось ей родным. К тому же здесь можно было отдохнуть от бесконечных придирок и ворчания Лары и от вида полумертвой Марии.

Но насладиться одиночеством, которого она так жаждала, не удалось – около плиты уже хлопотала Ирка, деловито расставляя кастрюли и сковороды.

– А ты что тут делаешь? – удивилась Тася.

– В такой кризис найти работу не так-то просто, – ответила Ирка. Она вела себя как ни в чем ни бывало, будто и не пропадала на несколько дней, заявив на весь мир, что ноги ее больше здесь не будет. – Официально меня еще не уволили, к тому же эта гримза куда-то пропала. Повезет, так и не вернется никогда. Так что никто и не узнает, что я хотела уйти.

– Откуда ты знаешь, что она пропала?

– Вчера ко мне из полиции приходили, – сказала Ирка, поправляя белоснежный колпак. – Ох, я и струсила сперва.

Думала, эта курица их натравила на меня.

Тася прекрасно понимала, что напарница имела в виду: частенько она таскала из столовой продукты, по ошибке не занесенные в накладные.

– И что они спрашивали? Что ты им рассказала? – Голос выдавал сильное волнение, но Тася не могла справиться с нахлынувшими эмоциями.

Ирка, прищурившись, как-то странно посмотрела на нее.

– Остынь, подруга. Ничего я не рассказала. Да и что рассказывать-то? Я ж ушла-то когда в тот день? Кстати, а что, она действительно не появилась?

– Нет, – ответила Тася, потупив взгляд. Удивительно, но лгать Ире оказалось труднее, чем полицейским.

– Странно все это, – протянула Ирка, принявшись чистить овощи. – Они, кстати, сказали, что машину нашли.

– Машину? – встрепенулась Тася.

– Да, джип, красный, вроде бы, – кивнула Ирка. – Около леса. Теперь будут угонщика искать. Странно только, что он машину бросил, – рассуждала она, неспешно срезая тонкий слой кожуры с большой картофелины. – Может, испугался чего и убежал? А я вот что думаю: он Марию-то эту Владимировну убил да закопал где-то в лесу. Иначе, куда еще она пропасть могла?

Она отвлеклась от работы и посмотрела на Тасю.

– Не говори таких ужасных вещей, – ответила Тася, комкая в руках полотенце. От взгляда напарницы все внутри

сжалось. – А что, если она сама все это подстроила? – вдруг предположила она.

– Чего-чего?

– Ну, как оно обычно бывает, – начала объяснять Тася только что придуманную теорию, – встретила другого, а развестись не могла, вот и сбежала с любовником. А подстроила все так, будто исчезла без следа.

– Выдумашь ты тоже, – рассмеялась Ирка. – Тебе бы романы любовные писать. Давай лучше работать, а то не успеем ничего.

И они принялись за работу, не вспоминая больше про исчезнувшую начальницу, пока ближе к обеду в столовой вновь не появились знакомые полицейские. Тася с тревогой отметила, что вид у них был серьезнее, чем вчера.

– Дамы, добрый день, – поздоровался один из них.

– Что-то зачастили вы к нам, – ответила Ирка, усмехнувшись. – Неужто какие новости появились?

– Да нашли мы угонщика, – сказал полицейский. – Семнадцатилетний паренек. Говорит, машину хотел сбавить в соседнем городе, да бензина не хватило до места доехать, вот он и бросил машину там, где застрял.

– Быстро вы его схватили, – поразилась Ирка, – а еще говорят, что полиция не умеет работать.

– Да по отпечаткам нашли, – смущенно ответил полицейский. – Он в детской комнате на учете давно стоит.

– Только одно не понятно, зачем вы к нам-то пришли, –

казалось, Ирку забавляла эта беседа.

– Пришли, потому что паренек-то сказал, что машину со стоянки у этой самой столовой угнал, – включился в разговор второй полицейский. – Хотя вы обе заявляете, что не приезжала Мария Владимировна. Так как же тогда ее автомобиль здесь оказался?

– Может, она позже приехала, – пожала плечами Ирка, – когда мы уже ушли. Откуда нам знать-то?

– А вы, Ирина Михайловна, стало быть, на работу вернулись? – обратился к ней полицейский.

– И что? – ответила Ирка, сложив руки на груди.

– Просто интересуюсь.

Тася молча стояла в стороне, стараясь не привлекать к себе внимания и наивно полагая, что ее не заметят. Но очередной вопрос был адресован именно ей. \

– Кстати, как ваш телефон?

– Что?

– Телефон, – повторил полицейский. – Смогли разобрать-ся?

– Д-д-да, – заикаясь ответила Тася, медленно соображая. – Смогла. Сестра помогла.

– Могу я на него взглянуть?

– Зачем? – паника все сильнее охватывала ее.

– Да я заметил тогда, что модель у вас новая совсем, – ответил полицейский. – А я страсть как люблю гаджеты. Может, если приглянется, себе куплю такой же.

– Я его дома оставила, простите, – в который раз соврала Тася.

– Вот как, – разочарованно протянул полицейский. – Как же вы без телефона-то будете?

– Да мне и не звонит никто, – махнула рукой Тася. – Один день перетерплю.

– Так значит, вы работать здесь все-таки будете, – внезапно полицейский вновь переключился на Ирку, и Тася почувствовала облегчение.

– Я подумаю.

– Эх, девушки, – впервые за все время улыбнулся мужчина, – какие же вы непостоянные. Что ж, не будем отнимать у вас время.

Полицейские ушли, но Ирка не переставала говорить о них, не позволяя Тасе забыть тот ужас, который она только что испытала, отвечая на неприятные вопросы. Напарница продолжала строить теории одна невероятнее другой, что могло случиться с Марией. Тася же молчала, боясь взболтнуть лишнего. От напряжения кружилась голова и поднялось давление, из-за переживаний все валилось из рук, а Ирка, как назло, подливала масла в огонь, отпуская шуточки по поводу ее рассеянности. Окончательно же чаша терпения переполнилась, когда Тася сильно обожгла руку сковородой.

– Ты можешь просто заткнуться и работать молча? – неожиданно даже для самой себя взорвалась она. – Меня уже тошнит от твоей болтовни.

– Таська, ты чего? – прошептала перепуганная Ирка.

– Думаешь, ты особенная? Можешь делать все, что взбредет в твою пустую голову? Приходить и уходить, когда вздувается, а я за тебя буду каждый раз все расхлебывать? – не унималась Тася, сжимая здоровой рукой обожженную ладонь. – А может это ты ее убила? Она же невлюбила тебя с первой минуты. Вот ты ей и отомстила?

– Да что ты такое говоришь?

– Говорю, что думаю!

– Иди домой, Тась, – холодно сказала Ирка. – Не знаю, что на тебя нашло, но тебе явно надо отдохнуть. Я тут сегодня сама со всем разберусь, а с тобой, пока ты не успокоишься, даже разговаривать не буду, – и демонстративно отвернувшись, она продолжила чистить овощи.

Осознав, что только что натворила, Тася еще какое-то время наблюдала за обидевшейся напарницей, желая, но не смея просить у нее прощения прямо сейчас, но затем все же ушла домой, не попрощавшись.

Свинцовые тучи заволокли небо, и первые капли дождя упали на землю. Тася подняла ворот куртки, спасаясь от холодного ветра. Она забыла взять зонт и потому торопилась, надеясь добраться домой раньше, чем дождь наберет силу.

Около супермаркета к ней подошел знакомый бомж, но вместо того, чтобы протянуть деньги, Тася прошипела: «Иди работать, бестолочь». Мужчина явно не ожидал подобной

грубости и еще долго ругался ей вслед, грозя кулаками. Но оскорбления нисколько не расстроили ее. Выплеснув эмоции сначала на Ирку, а затем на бродягу, Тася почувствовала себя намного лучше. Ее переполняли злость и обида на весь мир, а боль в обожженной руке лишь подпитывала гнев.

Переступив порог квартиры и едва сбросив сапоги и куртку, она сразу же бросилась к Марии и влепила ей пощечину.

– Это из-за тебя! – закричала она. – Все из-за тебя!

Женщина лишь тихо застонала, даже не открыв глаза. Вид измученной Марии слегка отрезвил Тасю. Она больше не чувствовала облегчения, напротив, теперь она была сама себе противна: поссорилась с единственным человеком, которого могла назвать подругой, ударила беззащитную раненую женщину. Не стоило позволять эмоциям выплескиваться наружу, но теперь уже поздно, и оставалось лишь сожалеть о содеянном.

Упав на колени, она разревелась от собственного бессилия и лишь тогда заметила странный запах, витавший вокруг. Тася утерла слезы, осторожно приподняла повязку на ране и тут же отшатнулась из-за вони, ударившей в нос.

– Что делать, Лара? – запричитала она, позвав сестру. – Рана загноилась. Надо вызвать скорую.

– Я ведь уже говорила тебе, что нельзя, – возразила Лара.

– Но как же рана?

Лара задумалась, и Тася замерла, ожидая ответа – так осужденный ждет приговора судьи.

– Надо просто отсечь ненужное, – наконец, выдала Лара.

– Что ты имеешь в виду?

Лара приподняла бровь, как бы предлагая сестре догадаться самой. Наконец, смысл слов дошел до Таси.

– Я не смогу, – покачала она головой. – Не смогу.

Но Лара уже вложила в руку Тасе непонятно откуда-то взявшийся у нее нож.

– Поверь, так надо, – сказала она необычным, слишком мягким голосом. В последний раз сестра говорила таким тоном, уговаривая пятилетнюю Тасю сесть в кресло стоматолога.

– Но так нельзя, – вяло сопротивлялась Тася, пытаясь вернуть нож Ларе. – Это же неправильно.

– Поверь, ей станет легче. Если избавиться от мертвой плоти, Мария быстро пойдет на поправку.

Ларе не пришлось долго уговаривать сестру. Как и всегда, она победила. Тася послушно встала на колени рядом с Марией, сняла повязку и, стараясь реже вдыхать зловонный воздух, занесла нож над раной.

– Подожди, – остановила ее Лара.

На пару мгновений Тася поверила в то, что сестра передумала и сейчас предложит другой способ решения проблемы. Но Лара остановила ее всего лишь для того, чтобы принести бутылку водки для дезинфекции и небольшую миску. Тася разочаровано посмотрела на эти вещи и, окончательно смирившись с тем, что ей предстояло сделать, вновь сосредото-

чилась на «операции».

Борясь с отвращением, Тася принялась отрезать куски мяса, выпиравшие по краям раны, бросая мертвую плоть в миску. Она пыталась представить, что это всего лишь куски свинины: так было проще. Да Мария и была свиньей: изнутри и снаружи, хотя личико у нее и красивое. Но это не ее личная заслуга, просто у этой свиньи много денег, чтобы следить за собой.

Мария не кричала и не вырывалась, как прежде, словно это не ее кромсали на кусочки. Ее мутный взгляд был обращен на Тасю, но, казалось, что сознание женщины где-то далеко.

– Чего вылупилась? – разозлилась Тася на безразличие Марии, но та ничего не ответила.

Закончив работу, Тася вытерла пот рукой и отодвинула подальше от себя миску с жутким содержимым. Мария лежала неподвижно, словно восковая кукла. Она не кричала и не плакала, и это одновременно и радовало, и настораживало.

– У меня родилась идея, – сказала Лара.

– Я устала от твоих идей.

– Мы разыграем похищение, – продолжила Лара, не обратив внимания на ее слова, – и потребуем выкуп. Получим деньги и уедем далеко-далеко.

– О чем ты? Нас же сразу поймают. Это тебе не какой-то там фильм.

– Не будь трусихой! Я все уже продумала.

Спорить с сестрой не было сил, к тому же, Тася знала, что, в конце концов, все равно уступит. Все разговоры можно оставить на потом, а сейчас хотелось принять душ и лечь спать. Тася уже направилась в ванную, как раздался звонок в дверь. Тело ныло, мысли путались, и поэтому она сразу же открыла, не подумав ни о последствиях, ни о том, кто мог стоять за дверью.

А на лестничной клетке толпились полицейские.

– Антонина Азарова? Не возражаете, если мы зайдём? – сказал один из них и прошёл в квартиру, не дождавшись разрешения.

– Неужто так просто и впустила, без возражений? – удивился начальник следственного отдела.

– Да я и сам, честно говоря, до сих пор в шоке, – кивнул Одинцов. – Открыла дверь сразу же. А у самой все руки и лицо в крови, как в фильме ужасов, только страшнее, ведь на самом деле все происходило. Она, кажется, не в себе была. Только когда мы уже всей толпой в комнату прошли, начала причитать всякое: «Что вы делаете?», «На каком основании?» Ну, знаете, вся эта болтовня стандартная.

Начальник понимающе кивнул.

– Зашли мы, значит, в квартиру, – продолжил Одинцов, – а там труп изуродованный на диване – и искать-то не надо. А уж какое там амбре стояло, вы не представляете, Семён Иванович. Она, видимо, чтоб вонищу скрыть, весь дом освежи-

телем с зеленым чаем заливала, да только не помогало это ни капли. Начали ребята работать-то, а она как закричит: «Сейчас Лара вас прогонит. Лара! Где же ты, Лара?!» И вот тут стало совсем интересно.

– Почему ж?

– Да мы же пробили инфу об этой Азаровой-то, – сказал Одинцов. – Лариса, ее сестра старшая, уж семь лет как пропала. В один день просто на работу не вышла, и все. В конторе той сказали, мол, уволилась по собственному, а что потом делала, не знает никто. Вот только не устраивалась она никуда на работу после этого. Официально, во всяком случае.

– И чем же она занималась все это время? – заинтересовался начальник.

– Я лучше все по порядку расскажу, – ответил следователь, лукаво улыбнувшись. – Одна из комнат в квартире оказалась запертой. Мы ее открыть попытались, а у Азаровой настоящая истерика началась. Набросилась на ребят с кулаками и кричит, чтоб не трогали комнату Ларисы, мол, не любит она, когда к ней без спросу входят. Еле успокоили неврастеничку эту: пришлось на кухню увести, чтоб не мешалась. Выломали мы, значит, замок, а там сюрприз похлеще трупа Коловой – на кровати самая настоящая мумия лежит.

– Шутишь? – присвистнул Семён Иванович.

– Какой там, – покачал головой Одинцов. – Мне тут как раз пришло заключение: мумия эта старшей Азаровой оказалась. Повесилась она тогда, семь лет назад-то. А эта сума-

шедшая вместо того, чтоб похоронить, сестру в квартире оставила, никому не сказав про самоубийство.

– Неужели она так все эти годы и жила? С трупом в соседней комнате?

– В голове не укладывается, конечно, но ведь и не такое бывает, Семён Иванович. Жаль мне Азаровых, если честно, – вздохнул Одинцов – Судьба у обеих сестер тяжелая была. Но убийства это все же никак не оправдывает.

– Верно говоришь, – одобрительно кивнул начальник.

– Ну что ж, пойду я, – сказал Одинцов, поднимаясь со скрипящего стула. – Через пятнадцать минут у меня очередной допрос с Азаровыми.

– В смысле, с Азаровыми?

– Да Антонина эта, верит всерьез, что Лариса не умерла, – пояснил Одинцов. – Считает, что сестра рядом сидит на всех допросах, постоянно с ней «разговаривает» да «советуется». Пришлось ее даже в отдельную камеру перевести, а то остальные заключенные до смерти боятся с ней рядом ночевать.

– Вот ведь дело-то какое тебе досталось, – цокнул языком Семён Иванович.

– Да уж, с нового года везет на всякую чертовщину, – хмыкнул Одинцов и попрощавшись с начальником, отправился на очередной допрос сумасшедшей поварахи.